

УФИМСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

* ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ *
ВЪ РЕДАКЦІИ СИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ПРИ УФИМСКОМЪ ДУХОВНОМЪ
УЧИЛИЩѢ. *

* ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ,
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП. *

№ 1 1887 1 Января.

Г О Д Ъ Д Е В Я Т Ы Й .

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Всемиловѣйше пожалованъ, въ 19 день (сентября) 1886 года, за заслуги неслужебныя по духовному вѣдомству, золотую Медалью для ношенія на шею, на аннинской лентѣ, уфимской 1-й гильдіи купецъ Федоръ Чижовъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Циркулярный указъ Святейшаго Синода, отъ 26 ноября 1886 года, за № 20, объ изыятіи изъ народнаго обращенія нѣкоторыхъ брошюръ и газеты «Русскій рабочий».

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложенный г. исправлявшимъ должность синодальнаго Оберъ-Провурора, (25 іюня сего года) за № 486, журналъ Учебнаго Комитета, № 254, съ мѣсяцемъ по 12 номерамъ газеты «Русскій рабочий» и пятнадцати брошюрахъ И, по справкѣ, Приказали: Преосвященный калужскій представилъ на благоусмотрѣніе Святейшаго Синода пятнадцать бро-

шюръ съ слѣдующими наименованіями: 1) «Два пути и предѣлы ихъ», 2) «Новая Русская азбука», 3) «Исполняете ли вы волю Божию», 4) «Пора домой», 5) «Слѣпой Вартимей», 6) «Встревожился Іерусалимъ», 7) «Во едину отъ субботъ», 8) «Слѣпая двѣшка и Евангеліе», 9) Любезный читатель, прочти сіе повѣствованіе о слѣпомъ», 10) «Голосъ времени», 11) «Покаяніе», 12) «Нравственно-духовныя назиданія», 13) «Благодаришь ли ты Бога», 14) «Изъ бесѣды покойнаго преосвященнаго Михаила» и 15) «Христосъ, грѣшную душу къ себѣ призывающій, и воздыханія грѣшныя души ко Христу Сыну Божию». Въмѣстѣ съ поименованными брошюрами представлены преосвященнымъ калужскимъ и 12 №№ газеты «Русскій рабочій», изд. М. Пейкеръ. Означенныя изданія были переданы, по распоряженію Святѣйшаго Синода, на разсмотрѣніе Учебнаго Комитета, который призналъ: I) журналъ «Русскій рабочій», изд. М. Пейкеръ, и брошюры: а) «Новая Русская азбука для всѣхъ» М. Е. К., б) «Два пути и предѣлы ихъ», в) «Пора домой», г) «Исполняете ли вы волю Божию», д) «Голосъ времени» — произведеніями съ явно сектантскимъ направленіемъ и потому подлежащими изытію изъ народнаго обращенія; II) брошюры же: а) «Благодаришь ли ты Бога», б) «Любезный читатель, прочти сіе повѣствованіе о слѣпомъ», в) «Слѣпая двѣшка и Евангеліе» и г) «Встревожился Іерусалимъ» (изд. журн. «Русскій рабочій») — сочиненіями непротивными православному ученію, но по своей скрытой тенденціозности неспособствующими раскрытію этого ученія и потому незаслуживающими не только одобренія, но и допущенія для народа къ употребленію; III) брошюры: а) «Слѣпой Вартимей», б) стихотвореніе «Во едину отъ субботъ» и в) изъ бесѣды Михаила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, о томъ, могли ли законъ, пророки и жертвы спасти челоуѣка, и для

чего онѣ установлены и даны были отъ Бога? — заслуживающими допущенія для употребленія въ народѣ; и IV) брошюры: а) «Христовъ, грѣшную душу къ себѣ привлекающій», б) «Покаяніе» и в) «Нравственно-духовныя назиданія», какъ извлеченныя изъ твореній Св. Тихона, епископа воронежскаго, — достойными одобренія для народнаго чтенія. Признавая изъясненный отзывъ Учебнаго Комитета основательнымъ, и находя поименованныя въ п. п. I и II брошюры и газету «Русскій рабочий», изд. М. Пейкеръ, непригодными для обращенія въ народъ, Святейшій Синодъ опредѣляетъ: 1) поставить въ извѣстность духовные цензурные комитеты, чтобы они на будущее время не разрѣшали къ печатанію ни одной изъ ниже поименованныхъ брошюръ: а) «Новая Русская азбука для всѣхъ» М. Е. К., б) «Два пути и предѣлы ихъ», в) «Пора домой», г) «Исполняете ли вы волю Божию», д) «Голосъ времени», е) «Благодаришь ли ты Бога», ж) «Любезный читатель, прочти сіе повѣствованіе о слѣпомъ», з) «Слѣпая дѣвушка и Евангеліе» и і) «Встревожился Іерусалимъ»; 2) поручить епархіальнымъ преосвященнымъ имѣть наблюденіе, чтобы означенныя брошюры, равно и газета «Русскій рабочий», не были распространяемы въ народъ, и 3) предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору сообщить министру внутреннихъ дѣлъ о настоящемъ опредѣленіи Святейшаго Синода, и просить зависящихъ съ его стороны распоряженій къ прекращенію распространенія вышепоименованныхъ брошюръ и газеты «Русскій рабочий». Для исполненія по сему опредѣленію послать всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ и духовнымъ цензурнымъ комитетамъ циркулярные указы.

Выписка изъ утвержденного г. Оберъ-Прокуроромъ Святейшаго Синода журнала Училищнаго Совета при

Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 26 мая 1886 года за № 42, о книгѣ о. протоіеря Петра Смирнова: «Церковно-приходская школа. Упадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи». Изданіе второе. С. Петербургъ, 1886 года. Цѣна 20 коп.

Брошюра о. протоіеря Петра Смирнова является первою по времени и доселѣ единственною въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ попыткою къ разъясненію вопроса величайшей важности для нашего и для послѣдующаго времени. Первое изданіе ея, подъ заглавіемъ: «Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на западѣ въ виду будущаго нашей», вышло въ Москвѣ, въ 1884 году. Авторъ говорилъ въ такое время, когда у всѣхъ истинныхъ печальниковъ образованія нашего народа лежала на душѣ тревожная дума о будущности нашей, «какъ бы вновь зарождающейся», православной церковно-приходской школы, когда одни съ недоверіемъ, другіе со страхомъ и немногіе съ упованіемъ и вѣрою глядѣли на смѣлое выступленіе ея—съ одной стороны «въ виду особенно обострившагося и, можно сказать, рокового вопроса о направленіи школъ на западѣ» (стр. 3), съ другой—въ виду существующихъ уже у насъ «школъ хорошо обставленныхъ и обезпеченныхъ, сама не имѣя, подобно первымъ проповѣдникамъ христіанства, ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясъ своемъ» (стр. 56). Авторъ чутко прислушался къ общему настроенію ревнителей народнаго образованія и весьма удачно отвѣтилъ на него. Онъ не вводитъ своихъ слушателей въ сущность вопроса, не заставляетъ ихъ еще разъ переживать тотъ тяжелый процессъ, который привелъ къ сознанию необходимости церковно-приходской школы, не строитъ плановъ для нея: «я имѣю, говоритъ онъ, высказать только то, что представляется, такъ сказать, съ перваго раза» (стр. 5) и что несомнѣнно было на душѣ у всѣхъ слу-

шателей его, было неясно, неуверенно въ себя, что про-
сило разъясненія, утѣшенія, одобренія. И эта задача
исполнена авторомъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла и та-
кимъ же тактомъ. Объясненія его столь просты и есте-
ственны и вмѣстѣ столь содержательны, что, не смотря
на скромность задачи, заключаютъ въ себѣ пути къ
разрѣшенію всѣхъ главныхъ трудностей вопроса, нако-
нецъ, столь прозрачны, что для ума непредубѣжденнаго
не оставляютъ никакого сомнѣнія какъ въ глубокой
правотѣ и истинности предстоящаго дѣла, такъ и въ
успѣшности его.

Для исполненія своей задачи, авторъ весьма удачно
избралъ путь историческій, именно тотъ путь, который
прошла западно-европейская школа—главная виновница
тревогъ за будущность и нашей церковно-приходской
школы. Разъясненіе причинъ и обстоятельствъ, привед-
шихъ эту школу къ первоначальному разладу съ церко-
вію, имѣетъ весьма важное значеніе для нашей вновь
зарождающейся церковной школы. Это разъясненіе
требуется прежде и болѣе всего, именно «съ пераго
раза». Оно, по словамъ самаго автора, «съ одной сто-
роны указало бы намъ рядъ опасностей, предохранило
бы насъ отъ ошибокъ и увлеченій, уже испытанныхъ,
съ другой—могло бы послужить къ опредѣленію истин-
наго типа православной церковно-приходской школы,
то какъ движеніе церковной жизни на западѣ пред-
ставляетъ два, рѣзко очертившіяся и во многомъ противу-
положныя, направленія, между которыми именно и
стелется срединный путь истины» (стр. 4). Авторъ скром-
но отклоняетъ отъ себя задачу «услѣдить этотъ золо-
той срединный путь и поставить на него нашу церков-
но-приходскую школу», «это, говоритъ онъ, дѣло мно-
гихъ и сильныхъ, дѣло такъ же многихъ лѣтъ» (тамъ
же). Но то немногое, что авторъ даетъ въ своей рѣчи,

достаточно ясно опредѣляетъ этотъ путь и способы дѣльнѣйшаго дѣланія на немъ.

Общая мысль брошюры состоитъ въ слѣдующемъ. Католичество и протестантство страдали и страдаютъ такими крайностями въ дѣлѣ воспитанія, которыя неминуемо привели ихъ къ разладу со школою и послужили поводомъ къ возникновенію въ западной педагогіи противоположныхъ крайностей и увлеченій. Православная церковь въ самыхъ нѣдрахъ своихъ носить такой типъ школы, который находится въ полномъ согласіи съ здоровыми началами воспитанія и не можетъ не пользоваться сочувствіемъ всѣхъ ревнителей народнаго образованія, а потому православная церковно-приходская школа можетъ смотрѣть на свою будущность съ твердою вѣрою и упованіемъ. Ходъ мыслей автора слѣдующій.

Начало церковно-приходской школы авторъ видитъ въ огласительныхъ школахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Но въ то время, когда на востокъ эти школы сохраняли свое истинное направленіе, когда восточные учителя и отцы церкви (александрійская школа, Іоаннъ Златоустъ) выражали «чистый и ясный взглядъ на дѣло воспитанія» (8), на западъ рано, еще у Тертулліана и бл. Августина, появляется односторонность и крайность, осуждавшая всѣ тогдашніе способы образованія, ведущіе будто бы только къ развитію высокомерія, суемудрія и порочной жизни. «Впослѣдствіи въ этотъ пренебрежительный тонъ по отношенію къ общему образованію вошли папы и подвластное имъ духовенство съ своими стремленіями къ преобладанію въ церкви». Они «старались болѣе господствовать надъ наслѣдіемъ Божіимъ, чѣмъ о томъ, чтобы просвѣщать народъ и быть образцами стаду. Попеченіе о духовномъ просвѣщеніи массъ скоро было оставлено, и католическое духовенство вступило даже въ борьбу съ дѣятелями на поприщѣ науки и воспитанія. Уже въ тем-

ные средние вѣка зарождается и открывается борьба школы противъ католической церкви. *Artes liberales* появляются въ школахъ съ видимою неприязнью къ представителямъ *Artis clericalis*. «Реформація застала католичество среди борьбы съ свѣтскими заправителями школы и сразу нанесла ему два страшныхъ удара: вырвала изъ подъ влiянія его высшую и среднюю школу и взяла подъ особенное свое влiяние школу народную» (9). Езуиты усиливались вырвать изъ рукъ протестантовъ знамя науки, образования; но школы езуитовъ только ярче раскрыли духъ католичества—господства въ высшей и средней школѣ и пренебреженiе къ низшей. Крайность езуитовъ вызвала расколъ въ самой католической школѣ. Янсенисты пытались основать школу на христіанствѣ, но не на папствѣ. Но попытка янсенистовъ уже не могла удалиться, въ самую Римъ къ ней отнеслись враждебно.

Въ свою очередь и протестантизмъ не могло поставить школу на прочныхъ основанiяхъ, лишивъ свою церковь того, что наиболее воспитательно дѣйствуетъ на народъ — богослуженiя, таинствъ, самаго священства, какъ таинства. «Сухая догма, голый катихизисъ, до нельзя урбанизное богослуженiе, длинная утомительная проповѣдь, все это не можетъ дать удовлетворенiя и душѣ взрослого человѣка. Въ особенноти же въ средѣ этого обнищавшаго христіанства должна была голодать душа дѣтей» (15). Авторъ приводитъ выписку изъ наставленiй Лютера о преподаванii закона Божiя въ школахъ, обнаруживающую всю мертвенность постановки дѣла, и находить, что «протестантскiе наставники, хотя бы и искренно хотѣли, не могли удовлетворить потребностямъ дѣтскаго сердца и вызвали инныя враждебныя себѣ попытки воспитанiя» (16). Но появившiяся въ протестантской педагогii два противоположныхъ направленiя, оба имѣвшiя задачей оживить мертвенность обученiя, не удались и только на-

несли окончательный удар протестантству на попроще религиознаго обученія. Пѣтисты въ своихъ школахъ «молились, проповѣдывали, увѣщевали, упражнялись въ пѣснопѣніяхъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Всякая наука, не имѣвшая прямого отношенія къ религіи, презиралась». Послѣдствіемъ такого воспитанія было только «приторное и напускное благочестіе и неизмѣнные его спутники: ханжество, ложь, лицемеріе, фарисейство» (16). Съ другой стороны, Раттихъ, пытавшійся согласить новыя, уже прорывавшіяся, идеи воспитанія съ протестантствомъ, выставлялъ противъ себя только яростныя нападки не только со стороны католиковъ, но и со стороны кальвинистовъ и лютеранъ, а Коменскій, не смотря на все стараніе, уже «не могъ примѣнить къ своему обнищавшему христіанству своихъ лучшихъ педагогическихъ идей предметности, наглядности и постепенности, а такъ же идеи учительскихъ семинарій, и самъ косвенно уже указывалъ школамъ иную дорогу».

Между тѣмъ возбужденіе умовъ, поднятое тою же реформациею, быстро расло, проникая всѣ сферы быта общественнаго. Вопросъ о воспитаніи выступалъ все болѣе и болѣе настойчиво. Идеи Бекона и Локка открывали рѣшительный моментъ въ этомъ вопросѣ. Но въ этотъ рѣшительный моментъ и католичество и протестантство только ярче раскрыли свое безсиліе дать прочныя основы воспитанію. Появилась теорія Руссо, начало не только отпаденія, но и вражды школы съ церковію. Въ дальнѣйшемъ ходѣ идеи воспитанія—въ системѣ Базедова, съ ея гармоническимъ развитіемъ задатковъ природы въ душѣ дитяти, въ системѣ Песталоцци, съ ея враждебностью ко всѣмъ предвзятымъ школьнымъ планамъ, въ особенности къ церковности, въ системѣ Дистервега, съ идеей «воспитанія сообразно назначенію человѣческой жизни для независимости путемъ самостоятельнаго развитія», авторъ

видитъ постепенно усиливающійся разладъ и окончательный разрывъ между школою и церковію на западѣ. Рѣшительная попытка протестантовъ вернуть школу къ религіознымъ основамъ, выразившаяся въ такъ называемыхъ *прусскихъ регулятивахъ* (1854), только яснѣе подтвердила безсиліе протестантства въ этомъ живомъ дѣлѣ церкви. «Сущь катихизиса, долбленіе текстовъ, цифры въ изученіи молитвъ, механизмъ въ изученіи религіозныхъ истинъ», вотъ, чѣмъ протестантство боролось противъ «педагоговъ, охваченныхъ отвагою свободомыслія». «Появленіе этихъ регулятивовъ ускорило, по словамъ автора, конецъ борьбы, длившейся около двухъ вѣковъ» (31). Обѣ борющіяся стороны дошли до крайности, до невозможности примиренія. Послѣдовалъ затѣмъ прусскій законъ 1872 г., объявившій школу исключительно государственнымъ учрежденіемъ, съ устраненіемъ изъ него религіознаго характера, а во Франціи послѣдовало изгнаніе изъ школы не только преподаванія религіи, но и всѣхъ религіозныхъ знаковъ. То и другое явленіе составляютъ послѣднее слово правительственныхъ соеръ въ странахъ католическихъ и лютеранскихъ въ отношеніи школы. Со стороны поборниковъ новѣйшей педагогіи авторъ видитъ послѣднее слово въ желаніи, высказанномъ Шмидтомъ, преподавать въ школахъ законъ Божій «на религіозной основѣ этического (нравственнаго) свойства, т. е. не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій, имѣя въ виду лишь то, что связываетъ людей, а не то, что разъединяетъ ихъ». «Куда можетъ унести этотъ бурный потокъ (эпохи), страшно и подумать», говоритъ авторъ по этому поводу и въ заключеніе своего историческаго обзора (35).

«Какіе же выводы и заключенія, вообще какое для себя назиданіе можемъ мы извлечь изъ печальной исторіи церковно-приходской школы на западѣ?» спрашиваетъ авторъ.

1) «Прежде всего — отвѣчаетъ онъ — чувствуется необыкновенная важность и самаго этого дѣла въ жизни пародной и настоящаго времени». Въ школѣ «вся жизнь, все будущее страны». Наше время въ особенности напоминаетъ намъ объ этомъ. «Теперь народъ нашъ какъ бы просыпается». Реформы прошлаго царствованія поставили его на путь развитія. Разныя враждебныя церкви и государству вліянія «спѣшаютъ воспользоваться благодѣяніями минуты» и «рвутся проникнуть въ народъ съ любезнымъ каждому знаменемъ науки и просвѣщенія». «Время не опущено, но можетъ быть скоро опущено. Дѣло дается въ руки, но можетъ настать время, когда будемъ усиленно искать его и не найдемъ... Какъ страшно это слово: *теперь или никогда*» (37—38)! «Народъ желаетъ духовной пищи только отъ церкви, не хочетъ другаго ученія, какъ только въ духѣ церковномъ», съ высоты престола духовенство призывается показать себя «достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ». И духовенство, безъ сомнѣнія, не остановится въ этомъ своемъ призваніи ни окружающимъ его недоверіемъ и сомнѣніями въ способности его къ этому дѣлу, ни своими немощами, помня, что оно «орудіе этой великой силы, которая въ немощахъ совершается» (40).

2) Дѣло церковно-приходской школы тѣснѣйшимъ образомъ соединено съ священнодѣйствіемъ крещенія, и есть именно то оглашеніе, которое для взрослыхъ должно предшествовать крещенію, для младенцевъ должно послѣдовать за нимъ, какъ только они придутъ въ возрастъ; въ томъ и другомъ случаѣ неразрывно связано съ нимъ; *научите крестяще*, сказалъ Господь... Этотъ долгъ въ отношеніи къ дѣтямъ строго выполняла церковь Христова на востокѣ въ своихъ огласительныхъ школахъ. «Духовенство западной церкви тѣмъ и погрѣшило, что оно, во-первыхъ, эту единую обязанность священника учителя какъ бы раздѣ-

лило: католическій священникъ мнилъ себя болѣе совершителемъ таинствъ, протестантскій пасторъ—болѣе проповѣдникомъ и учителемъ. Когда живое тѣло разсѣкается пополамъ, то иной участи ему и быть не можетъ, какъ омертвѣніе» (41). Въ дальнѣйшемъ развитіи мысли объ обязанности священника учить дѣтей, авторъ, между прочимъ, живо изображаетъ недостаточность одного законоучительства въ школахъ, причемъ справедливо указываетъ на то обстоятельство, что «европейскій типъ, въ особенности средней и высшей школы, слагался въ то время, когда уже подорванъ былъ союзъ школы съ церковію, и наставленіе въ религіи было всячески урѣзываемо, сокращаемо, а иногда оставлялось только ради внѣшняго приличія; а отсюда опъ заимствованъ и для нашей школы» (45).

3) Происхожденіе школы опредѣляетъ и ея программу. Авторъ излагаетъ ее согласно съ указаніями, данными въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ, причемъ живо рисуется окружающія духовенство искушенія и свѣжія еще увлеченія педагогическими модными теоріями въ преподаваніи самаго закона Божія, выражая полную надежду, что церковно-приходская школа, какъ показываютъ уже появляющіеся опыты, въ цѣломъ стрѣхъ своего курса точно и неуклонно сохранитъ истинный духъ церкви. Этотъ духъ не только не отвергаетъ, напротивъ вполне одобряетъ «выработанныя новою педагогіей хорошія правила относительно постепенности, наглядности, самостоятельности въ обученіи дѣтей, а такъ же новоизобрѣтенныя и оказавшіеся на практикѣ полезными способы наученія дѣтей грамотѣ и счисленію. Надобно, говоритъ авторъ, чтобы о нашей школѣ сказали: нѣтъ, это не католическая школа съ своею замкнутою исключительностію и пренебреженіемъ ко всему, что не ея, и не протестантская, гордо выступившая съ своимъ

раціонализмомъ и затѣмъ совершенно обезличенная; это школа церкви, но церкви матери» (53).

4) Коренной и отличительный характеръ православной церкви — не «господствовать въ государствѣ, къ чему всегда стремилась церковь римско-католическая»; но и не «сливаться съ государствомъ подобно протестантству», а стараться «проникнуть все государственное и общественное устройство животворнымъ духомъ христіанства»; этотъ характеръ «долженъ отразиться и въ церковно-приходской школѣ — по отношенію къ другимъ учрежденіямъ индѣятелямъ того же рода». Авторъ разумѣетъ здѣсь школы министерскія и земскія. Онъ желаетъ церковно-приходской школѣ не сепаратизма, розни и вражды въ отношеніи этихъ школъ, но мира и согласія. «Назначеніе ея — положить прочное церковное основаніе первоначальному образованію дѣтей и по возможности внести духъ церковности и православія и въ другія школы» (53 — 54).

5) Въ отношеніи къ такъ называемымъ школамъ грамоты авторъ рекомендуетъ священникамъ тотъ истинный «духъ православія», который «и надломленной трости не переломить и льна въ курящася не угаситъ» (55), беречь ихъ, оказывать защиту и покровительство.

Вотъ существенныя мысли брошюры о. протоіерея Петра Смирнова. Читатель видитъ, что въ нихъ обняты все существенныя стороны церковно-приходской школы, что представленныя авторомъ основы для этой школы суть *духъ и истина* нашей святой православной церкви, что высказанныя имъ положенія для нея какъ будто выхвачены изъ тайника души каждаго ревнителя истиннаго обученія нашего народа. Здѣсь изложено только самое существенное въ брошюрь. Въ развитіи своихъ мыслей авторъ повсюду даетъ много цѣнныхъ указаній, имѣющихъ важное значеніе не только для духовенства, но и для всякаго учителя. Дорогъ также этотъ тихій, кроткій, мирный духъ;

среди царивших доселѣ въ нашей народной педагогической сферѣ препирательствъ, недовѣрія, подозрѣній. Языкъ брошюры повсюду простъ, необыкновенно ясенъ и точенъ, рѣчь теплая, задушевная. Вообще, брошюра о протоіерея Петра Смирнова представляетъ рѣдкое явленіе въ нашей народно-педагогической литературѣ и вполне достойно открываетъ собою возрожденіе православно-русской церковно-приходской школы.

Въ виду указанныхъ достоинствъ названнаго труда о протоіерея Смирнова Училищный Совѣтъ опредѣляетъ: составленную протоіереемъ Петромъ Смирновымъ книгу: «Церковно-приходская школа. Упадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи. Изданіе *второг.* С.-Петербургъ, 1886 г.» — рекомендовать для приобрѣтенія во всѣ существующія и имѣющія открыться церковно-приходскія школы, о чемъ и напечатать въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ».

Выписка изъ журнала Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 23 августа 1886 года за № 67, утвержденнаго г. исправляющимъ должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода 7 сентября 1886 года.

Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ слушалъ отношеніе Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 11 іюня 1886 года за № 7515, слѣдующаго содержанія: въ числѣ книгъ религіозно-правственнаго содержанія, возможно большее распространеніе которыхъ было бы весьма желательно, существуетъ, между прочимъ, книга стараго изданія, подъ заглавіемъ: «Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житій святыхъ», изданіе которой принадлежитъ книгопродавцу Глазунову. Въ видахъ распространенія этой книги въ церковно-приходскихъ школахъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 20—28 мая сего года,

напечатано въ типографіи Глазунова, для синодальныхъ книжныхъ запасовъ, 10,000 экз. оной (два тома въ одной книгѣ), съ выпускомъ ея въ продажу по 75 коп. за экземпляръ, въ бумажной обложкѣ. *Опредѣлено:* о новомъ изданіи книги «Училище благочестія», одобренной Святѣйшимъ Синодомъ для церковно-приходскихъ школъ, сообщить епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, на предметъ пріобрѣтенія оной въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ, циркулярно, чрезъ напечатаніе въ журналъ «Церковный Вѣстникъ».

Выписка изъ утвержденного г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода 18 октября 1886 г. журнала Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, № 372, объ изданномъ подъ редакціей членовъ общества классической филологіи и педагогики, въ С.-Петербургѣ, «Реальномъ словарѣ классическихъ древностей по Любкеру» (С.-Петербургѣ, 1885 года).

Значеніе, такъ называемыхъ, реалій въ общей системѣ классическаго образованія общепризнано и въ западныхъ литературахъ существуетъ значительное количество пособій въ этой области, предназначенныхъ какъ для учащихся, такъ и для учащихся. Въ ряду этихъ пособій первое мѣсто занимаютъ реальные словари, заключающіе, изложенныя въ алфавитномъ порядкѣ, статьи по различнымъ отдѣламъ и сторонамъ древней жизни и исторіи. Въ ряду этихъ словарей видное мѣсто занимаетъ трудъ Любкера: *Reallexikon des classischen Alterthums für Gymnasien* (I изданіе въ 1854 г., VI въ 1882 г.), отличающійся обстоятельнымъ и цѣлесообразнымъ изложеніемъ реального матеріала: статьи лексикона вполне достаточны для того, чтобы читатель могъ ориентироваться въ томъ или другомъ отдѣльномъ вопросѣ; кромѣ того, многочисленныя цитаты изъ древнихъ авторовъ отсылаютъ желающихъ къ первоисточникамъ и даютъ имъ возможность,

въ случаѣ охоты или необходимости, провѣрить и дополнить сообщаемое лексикономъ. Цитаты же оныя выбраны съ большимъ тактомъ и умѣньемъ и представляютъ, почти вездѣ, дѣйствительныя loci classici по извѣстному вопросу. Въ разъясненіяхъ своихъ Любкеръ сумѣлъ соединить рѣдкую сжатость съ надлежащей обстоятельностью, и вездѣ старался принять во вниманіе результаты новыхъ изслѣдованій, такъ что научный фондъ его словаря оказывается вездѣ достаточно твердымъ. Не ограничиваясь памятниками вещественными, словарь Любкера вмѣщаетъ въ себѣ данныя и изъ другихъ областей древней жизни: исторіи, географіи, науки, религіи и т. д. Тамъ, гдѣ то или другое разъясненіе требуетъ нагляднаго поясненія, составитель приложилъ рисунки и планы, выбранныя съ большимъ тактомъ и исполненныя весьма удовлетворительно. Желая частію сберечь мѣсто, частію имѣя въ виду потребности учащагося юношества, составитель счелъ возможнымъ ввести въ лексикальную форму изложеніе болѣе или менѣе цѣльныхъ и законченныхъ отдѣловъ, такъ что изъ чтенія статей словаря, къ нимъ относящихся, учащійся выноситъ связное и цѣлостное понятіе о нѣкоторыхъ отдѣлахъ древней жизни. Таковы, напр., статьи: осада, скульптура, книжное дѣло, военная дисциплина, эпосъ, воспитаніе, географія, религія, одежда и т. д. Иногда такія статьи довольно значительны по объему и представляютъ превосходныя компендіи по тому или другому отдѣлу древностей.

Въ виду значенія реалій и въ виду тѣхъ достоинствъ, которыми обладаетъ книга Любкера, нельзя не признать счастливою мыслью сдѣлать эту книгу, чрезъ переводъ на русскій языкъ, доступною и для нашего учащагося юношества, нельзя не привѣтствовать осуществленія этой мысли. Общество классической филологіи и педагогики оказало большую услугу нашей средней школѣ перево-

домъ для нея разсматриваемой книги. Въ общемъ, переводъ этотъ можно признать удовлетворительнымъ, и въ-которые частные неточности и промахи, неизбежные въ-такомъ огромномъ предпріятіи, не умаляютъ хорошаго впечатлѣнія, производимаго книгой: въ основу своего перевода общество, какъ и слѣдовало ожидать, положило новѣйшее изданіе словаря и сохранило его вѣншній распорядокъ, т. е. расположеніе по алфавиту, причемъ ввело латинскія формы объясняемыхъ словъ вмѣсто непослѣдовательнаго употребленія греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, встрѣчающихся въ оригиналъ; переводъ сопровождается тѣми же рисунками, которые находятся и въ подлинникѣ, и мѣстами дополняется библиографическими указаніями на русскую литературу по отдѣльнымъ вопросамъ древней жизни. Частные промахи, о которыхъ только что было упомянуто, касаются неточной передачи отдѣльныхъ фразъ и словъ, въ родъ: «augum Iudaicum» называлась ежегодная пошлина, наложенная на сокровища іерусалимскаго храма и собиравшаяся съ жившихъ въ римской имперіи евреевъ» (s. v. augum). Въ подлинникѣ идетъ рѣчь о подати, взыскивавшейся въ пользу іерусалимскаго храма о томъ didrachmon *), который упоминается въ Евангеліи; или: «на границѣ съ Мегаридой и Аттикой высится суровый и непріятный Киэеронъ, известный тѣмъ, что здѣсь былъ высаженъ Эдипъ» (s. v. Baeotia). Въ подлинникѣ Киэеронъ зовется дикимъ, и говорится, что Эдипъ былъ брошенъ на этой горѣ своимъ отцомъ; или: «Британникъ раскрылъ интриги Агриппины» (s. v. Britannicus). Въ подлинникѣ говорится лишь о томъ, что Британникъ замѣтилъ эти интриги и т. д. Вѣншность изданія удовлетворительна.

*) Это слово печатается латинскимъ шрифтомъ, за неимѣніемъ въ уфимской губернской типографіи шрифта греческаго. — Ред.

Въ виду вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ полагалъ бы — одобрить «Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру» для прибрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ (семинарій и училищъ, въ качествѣ учебнаго пособія по древнимъ языкамъ.

Отъ Учебнаго Комитета при С. Синодѣ о книгахъ: И. Бастэна, г-жи Дестунисъ, П. Вышеславцева, О. Хвольсона, И. Холмогорова, свящ. Фіалковскаго, Г. Преображенскаго, Н. Бучинскаго, Соколова и Борзаковскаго и свящ. Архангельскаго.

Изъ числа разсмотрѣнныхъ Учебнымъ Комитетомъ сочиненій:

1) Изданную дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Бастэномъ книгу, подъ названіемъ: «*Apres de la littérature française*» (St. Petersburg et Moscou, 1885), Учебный Комитетъ положилъ — одобрить къ прибрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій, въ качествѣ пособія для преподавателей французскаго языка (журналъ Комитета отъ 7 мая 1886 г., № 161).

2) Сочиненіе г-жи Дестунисъ, подъ названіемъ «Житія святыхъ, составленныя по четь-минеямъ и другимъ книгамъ, съ изображеніями святыхъ и праздниковъ академика О. Т. Солянцева» (12 книгъ. Спб. 1886 г.), Учебный Комитетъ положилъ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ духовныхъ семинарій и училищъ, въ качествѣ назидательнаго чтенія для учащихся (журналъ Комитета отъ 11 июня 1886 г., № 208).

3) Изданное редакціей журнала «Досугъ и Дѣло» сочиненіе, подъ названіемъ: «Избранныя житія святыхъ православної церкви» (четыре книги. Январь, февраль, мартъ и апрѣль. Составилъ П. Вышеславцевъ. Спб. 1886

г.), Учебный Комитетъ положилъ—одобрить для пріобрѣтенія въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній и приходскихъ церквей (журналъ Комитета отъ 4 іюня 1886 г., № 198).

4) Составленную докторомъ физики О. Хвольсопомъ книгу, подъ названіемъ: «Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ» (съ 220 рисунками въ текстѣ. Изд. 2, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1886 г.), Учебный Комитетъ положилъ—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій, въ качествѣ пособія при изученіи физики (журналъ Комитета отъ 9 іюля, № 241).

5) Составленную И. Холмогоровымъ книгу, подъ заглавіемъ: «Таблица словъ съ буквою ѣ въ корняхъ, съ приложеніемъ алфавитнаго списка тѣхъ же словъ» (Кіевъ. 1886 г.), Учебный Комитетъ положилъ—допустить къ пріобрѣтенію въ бібліотеки духовныхъ училищъ, въ качествѣ пособія при изученіи русской грамматики (журналъ Комитета отъ 20 августа 1886 г., № 294).

6) Сочиненіе священника нижегородской епархіи Николая Фіалковскаго, подъ заглавіемъ: «О крестномъ знаменіи и о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Поученія и бесѣды» (Москва. 1884 г.), Учебный Комитетъ положилъ—допустить въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій, равно какъ и въ церковныя бібліотеки тѣхъ приходоѡ, въ которыхъ есть расколъ» (журналъ Комитета отъ 20 августа 1886 г., № 295).

7) Составленное преподавателемъ ярославской семинаріи Гавріиломъ Преображенскимъ: «Руководство къ черченію географическихъ картъ по градусной сѣткѣ для употребленія въ училищахъ мужскихъ и женскихъ» (изданіе 2, исправленное и дополненное. Ярославль. 1886 г.), Учебный Комитетъ положилъ—допустить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ мужскихъ и женскихъ,

въ качествѣ учебнаго пособия для преподавателей географіи (журналъ Комитета отъ 13 августа 1886 г., № 281).

8) Составленную Н. Бучинскимъ книгу, подъ заглавіемъ: «Начальная русская грамматика (въ связи съ практическими упражненіями) для приготовительнаго класса гимназій и прогимназій» (Спб. 1884 г.), Учебный Комитетъ положилъ—одобрить къ употребленію въ приготовительномъ классѣ духовныхъ училищъ мужскихъ и женскихъ въ качествѣ полезнаго пособия для первоначальнаго ознакомленія съ этимологіей (журналъ Комитета отъ 27 августа 1886 г., № 305).

9) Составленную преподавателями В. Соколовымъ и П. Борзаковскимъ книгу, подъ заглавіемъ: «Историко-литературная хрестоматія, съ приложеніемъ образцовъ древне-русскаго письма» (Одесса. 1886 г.), Учебный Комитетъ положилъ—одобрить къ приобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи русскої словесности (журналъ Учебнаго Комитета 3 сентября 1886 г., № 314).

10) Сочиненіе священника Александра Архангельскаго, подъ заглавіемъ: «Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (Казань. 1883 г.), Учебный Комитетъ положилъ—допустить къ приобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій (журналъ Комитета отъ 10 сентября 1886 г., № 324).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Студентъ уфимской духовной семинаріи Владиміръ Красносельцевъ Его Преосвященствомъ 2-го ноября 1886 года рукоположенъ въ санъ діакона, а 8 того же ноября въ санъ священника къ церкви села Зиргана, стерлитамакскаго уѣзда.

Окончившій курсъ въ казанской духовной семинаріи Николай Красновъ Его Пресвященствомъ 13 ноября 1886 года рукоположенъ въ санъ діакона, а 14 того же ноября въ санъ священника, къ церкви села Курьят-мась — Семено-Макарова, белебеевскаго уѣзда.

Священникъ мензелинскаго уѣзда, села Простей, Михаилъ Малышевъ, согласно его прошенію и резолюціи Его Пресвященства, 26 ноября 1886 года перемѣщенъ на праздно священническое мѣсто въ село Воздвиженку, белебеевскаго уѣзда; священническое же мѣсто въ селѣ Простяхъ объявляется вакантнымъ.

Священникъ уфимскаго кафедральнаго собора Василій Скворцевъ, согласно прошенію и распоряженію Его Пресвященства, 28 ноября 1886 года переведенъ къ богоявленской церкви Богоявленскаго завода, стерлитамакскаго уѣзда.

Состоявшій на вакансіи псаломщика въ селѣ Верхоторѣ, стерлитамакскаго уѣзда, діаконъ Николай Кедровъ, согласно его прошенію и резолюціи Его Пресвященства, 29 ноября 1886 года перемѣщенъ на второе псаломщичье мѣсто къ михайло-архангельской церкви села Зиргана, того же уѣзда; псаломщичье же мѣсто въ селѣ Верхоторѣ объявляется вакантнымъ.

Послушникъ уфимскаго успенскаго монастыря Θεодоръ Малиновскій, согласно его прошенію, епархіальнымъ начальствомъ 29 ноября 1886 года определенъ псаломщикомъ къ церкви села Уратымы, мензелинскаго уѣзда.

Архиваріусъ уфимской духовной консисторіи губернской секретарь Александръ Гавриловъ Вавиловъ 8 де-

кабря 1886 года умеръ, а вмѣсто него исправляющимъ должность архивариуса опредѣленъ состоящій въ штатѣ консисторіи коллежскій секретарь Александръ Андреевъ Сушковъ, съ 15 декабря 1886 года.

Отставной канцелярскій служитель Евменій Никифоровъ Казанскій, согласно его прошенію и резолюціи Его Преосвященства, 17 декабря 1886 года опредѣленъ псаломщикомъ къ градо-уфимской петропавловской тюремной церкви.

Священникъ села Воздвиженки, белебеевскаго уѣзда, Димитрій Фенелоновъ 6 ноября 1886 года, волею Божіею, померъ.

Объявляется законоучителю уфимской гимназіи протоіерею Евимію Соловьеву архипастырская благодарность Его Преосвященства, съ призываніемъ на него благословенія Божія, за усердное преподаваніе имъ слова Божія воспитанникамъ уфимской гимназіи.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ михайло-архангельской церкви села Петропавловки, стерлитамакскаго уѣзда, крестьянинъ того села Іоаннъ Никифоровъ Шваревъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 20 ноября 1886 года, Его Преосвященствомъ утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ означенной церкви, на трехлѣтіе съ 1886 по 1889 годъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПОУЧЕНІЕ

Преосвященнаго Никанора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, на день св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго (23 ноября 1886 года.)

О томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго порядка.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Еда объемлютъ отъ тернія грозды, или отъ ренія смоквы? Тако всяко древо добро плоды добры творитъ; а злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. Всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, постыжаютъ е, и во огнь вметаютъ. Тъмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ (Мат. 7, 15 — 20).

Иероглифы читаются и толкуются людьми, которые приучены разбирать ихъ. И знаніе однихъ, поощряемое довѣріемъ другихъ, ведетъ иногда къ великимъ открытіямъ. Къ нашему прискорбію, мы, привыкшіе разбирать священныя и таинственныя письма православнога христіанскаго богословія и толковать, что подъ ними скрывается, мы не всегда пользуемся такимъ довѣріемъ другихъ. Такъ, когда мы говоримъ, что ереси, которыми развиваются антихристіанскія начала, подрываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основы русскаго общества, построеннаго на православныхъ началахъ вѣры, то принято за обычай намъ не вѣрить. Не вѣрили намъ, когда мы твердили это касательно многихъ отдѣловъ безпоповщинскаго раскола, духоборцевъ, хлыстовъ и т. п. Не вѣрили, когда мы заговорили это относительно только что возникшаго якобы научнаго нигилизма; не вѣрили и сперва даже заигрывали съ нимъ... до каракозовщины. Не вѣрятъ, когда мы предсказываемъ тоже относительно пашковщины, штундизма, анабаптизма. Не вѣрятъ намъ, когда мы вызываемъ ко всѣмъ; поддержите русскую православ-

ную вѣру и церковь, — поддерживая ее, вы поддерживаете государство. Не вѣрять, что и теперь, какъ всегда, міромъ управляетъ идея, и что идея, проявляющаяся въ вѣрѣ, въ христіанствѣ, въ православіи, есть самая мощная, самая основная, самая капитальная и руководственная для нашего народа и царства и всего славянства. Посмотрите вотъ на Болгарію, на славянской міръ, — кто тамъ съ Богомъ, со Христомъ и за православіе, тѣ и съ нами, тѣ не противъ Россіи, тѣ за русскаго православнаго Царя. Съ ними и съ нами Богъ. А кто тамъ противъ православія, противъ Христа и противъ Бога, тѣ и противъ насъ. А тѣ, кто тамъ противъ насъ, тѣ, сами даже радикалы, даже атеисты въ душѣ, тѣмъ не менѣе, будучи расчетливѣе и предусмотрительнѣе насъ, сейчасъ же берутся за энергическую пропаганду между православными братьями нашими иновѣрія — католичества и протестантства, отчетливо понимая, что пока Славяне вмѣстѣ и православные, они наши братья по крови и духу; а разъ станутъ они иновѣрцы, вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ и кровные наши враги. Увы! на Руси это тускло понимается нашею интеллигенціей, не только индифферентами, но и православными, или даже отрицается сознательно, иногда даже злорадно. Къ счастью, къ несчастью, теперь вотъ на тускломъ горизонтѣ отуманенія и омраченія русскихъ умовъ поднялось новое великое, багрово-красное свѣтило, свѣтло-сіятельный и просвѣщеннѣйшій графъ Левъ Николаевичъ Толстой. И къ нему обращаются не только взоры, но и сердца очень многихъ, особенно же умныхъ и интеллигентныхъ русскихъ. Восходъ его встрѣчаютъ не только съ рукоплесканіями, но и больше того, съ умиленіемъ, забавнымъ — правда — умиленіемъ, и кобно-преклонною, забавною же мольбою: «великій учитель! учи насъ, учи! Графъ, говорите теперь, говорите уже безъ разсужденій, безъ анализовъ

философскихъ, безъ горькихъ воспоминаній по прошлomu, безъ самобичеванія.. Мы готовы васъ слушать» (какую бы нелѣпость вы ни сказали), «слушать также безъ разсужденій съ своей стороны и исполнять безъ противорѣчій, безъ возраженій, покорно и благоговѣнно. Учи насъ, учи неразумныхъ, великій нашъ учитель!».. И графъ проповѣдуетъ. Графъ литераторъ, романистъ, творецъ Анны Карениной, великій, по его собственной исповѣди вслухъ всего свѣта, грѣховодникъ, сочиняетъ новое евангеліе! И есть умники и много ихъ, которые новое евангеліе изъ рукъ графа-литератора пріемлютъ съ такимъ же умиленіемъ и благоговѣніемъ, какъ и Анну Каренину. Сказали бы мы древнимъ стихомъ: смѣхъ удержите друзья, еслибъ это не было такъ плачевно, такъ горько для русскаго сердца, такъ позорно для русскаго ума. Да опомнитесь! Перестаньте быть и жалкими и смѣшными.

Къ счастью, мы сказали, даже мы въ некоторомъ отношеніи можемъ быть признательны графу Льву Толстому. Поощряемый этимъ ребячливымъ благоговѣніемъ со стороны чуть не всѣхъ и изумительною толеранціею со стороны многихъ, шутовски и кощунно рядясь въ хламиду вселенскаго учителя-проповѣдника, графъ, не задумываясь, подтверждаетъ нашу теорію, наше постоянное настояніе, не задумываясь преспокойно разрушаетъ основы не только всякой церкви и религіи, но и общества, и государства, и народа, и не только всякаго, но и русскаго общества, народа и государства.

Это мы теперь и разяснимъ.

Видите, догматизму христіанскую графъ отвергъ, исторію исказилъ, да она ему и не нужна, не только догматика, но и исторія евангелія. Изъ евангелія онъ беретъ только нравственныя заповѣди; да и изъ тѣхъ беретъ только пять заповѣдей. Такъ ему угодно. Вотъ эти пять

излюбленныхъ графомъ (заповѣдей: 1) не противься злу или злему, 2) не прелюбодѣйствуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй. Почему бы не сказать еще: чти отца твоего и мать, не воруй, не роскошествуй, не гонись за благами сего міра, терпи гоненія, не бойся убивающихъ тѣло и т. д. безъ конца. Въдѣ все это заповѣди Христовы, — отчего же исключилъ ихъ графъ Толстой? И гдѣ нашель онъ у Христа заповѣдь, запрещающую войны или же суды? Но объ этомъ разсудимъ послѣ, на какомъ это основаніи графъ строитъ свою систему вѣры и нравоученія. А теперь мы разьясняемъ только то, что графъ Толстой подрываетъ основы общества, и государства, и народности.

И разьяснять намъ это совсѣмъ не требуется. А стоитъ только выписать собственныя изреченія графа *).

Пріурочивая всѣ свои нравоученія къ вышеназваннымъ пяти заповѣдямъ, графъ Левъ Толстой *отвергаетъ разность общественныхъ состояній, какъ зло*. Осуждая враждебность какъ зло, графъ учитъ: «теперь уже я не могу оправдывать свой гнѣвъ, *считая себя человекомъ высшимъ*. Это искушеніе повергало меня въ гнѣвъ. Оно состояло въ томъ, что я *отдѣлялъ себя отъ подобныхъ мнѣ*, признавалъ равными себѣ только небольшое число ихъ. Теперь моя вѣра измѣнила всю мою оцѣнку того, что добро и велико, и что худо и низко. Все, что мнѣ прежде казалось добрымъ и *великимъ — почести, слава, цивилизація* и т. д., *все это содѣлалось для меня злымъ и низкимъ*. Теперь я не могу уже усвоить себѣ ничего такого, что по внѣшности возвышало бы меня предъ другими, отдѣляло отъ нихъ. Я не могу, какъ прежде, признавать ни за собой ни за другими *титоловъ*» (ни

*) Правосл. Собесѣдникъ, 1886 г. Июнь, стр. 214; Магистратъ, гдѣ XII,

даже Императорскаго Величества?!), «*ранговъ. достоинствъ*» (ни даже Царскаго?!), «*кромя титула и званія чловѣка.*»

Графъ Левъ Толстой *отрицаетъ учрежденіе законнаго брака.* Предписывая соединеніе всякаго чловѣка съ одною женщиной, графъ Толстой поучаетъ: «*важнымъ мнѣ кажется не столько чловѣческое учрежденіе брака, налагающаго внѣшнюю печать законности на соединеніе мужчины съ женщиной, сколько самое соединеніе мужчины съ женщиной. Я не могу дѣлать различія между тѣми связями, которыя называютъ супружествомъ, и тѣми, которымъ отказываютъ въ этомъ имени.*»

Графъ Левъ Толстой *отвергаетъ всякую клятву и присягу,* и поучаетъ: «*теперь я не могу, какъ прежде, обѣщаться клятвенно въ чемъ бы то ни было, кому бы то ни было; не могу, какъ прежде, оправдываться въ томъ, что далъ клятву, что такъ поступаютъ все люди, что это необходимо для государства, и что если я откажусь подчиниться этому требованію, то это будетъ дурно и для меня и для кого нибудь другаго. Теперь я знаю, что это зло и для меня и для другихъ, и я не могу дѣлать этого. Теперь я знаю ту сѣть, которая заставляла меня впадать въ это зло, и я не могу быть соучастникомъ ея. Я знаю, что эта сѣть, западня, состоитъ въ томъ, что имя Бога въ клятвѣ, въ присягѣ, служитъ санкціей обмана. А этотъ обманъ состоитъ въ томъ, что мы обѣщаемъ напередъ повиноваться повелѣніямъ одного чловѣка, или многихъ людей, тогда какъ чловѣкъ можетъ повиноваться только одному Богу. Теперь я знаю, что самое страшное по своимъ послѣдствіямъ зло — убійство на войнѣ, заключеніе въ тюрьму, экзекуціи, наказанія, совершаются единственно благодаря [клятвѣ, въ силу которой люди, дѣлающіе себя орудіемъ] зла, считаютъ себя свободными отъ тяготящей на нихъ отвѣтственности. Теперь, вспоминая о массѣ золь, я вижу,*

что все это имѣло, своею причиною клятву, обязательство подчиниться волю другого. Теперь я убѣдился, что клятва разрушает мое истинное благо и благо другого, и эта моя вѣра измѣнила мою оцѣнку добраго и злаго, высокаго и презрѣннаго. Все, что мнѣ прежде казалось добрымъ и великимъ: клятвенное обѣщаніе вѣрности правительству, требованіе клятвы отъ другихъ, и всѣ дѣйствія, противныя совѣсти, совершаемыя во имя клятвы, все это стало мнѣ казаться злымъ и презрѣннымъ. Поэтому я теперь не могу уже удалиться отъ заповѣди, запрещающей клятву, я не могу обзывать себя клятвою кому бы то ни было, ни заставлять другого клясться, ни содѣйствовать тому, чтобы люди клялись или принимали клятву, или смотрѣли на клятву, какъ на вещь необходимую и важную.

Графъ Толстой отрицаетъ всякую общественную и частную защиту лица, собственности, правъ, всякій судъ, всякую власть. Такъ осуждая всякое обращеніе къ насилию, всякое употребленіе насилія противъ людей для сопротивленія злему, графъ проповѣдуетъ, что онъ «не можетъ оправдывать это зло тѣмъ предлогомъ, что оно необходимо для защиты себя и другихъ, для защиты собственности своей и чужой». Впадать въ это зло заставляло меня ложное вѣрованіе, что моя жизнь гарантирована насиліемъ, защитой моей личности и моей собственности противъ другихъ людей. Наибольшая часть жизненныхъ волей происходитъ отъ того, что каждый считаетъ вещь дозволенной защищаться силой и видитъ въ этомъ наилучшую гарантію жизни и собственности. Эта вѣра измѣнила мою оцѣнку того, что добро и что зло и презрѣнно. Все, что нѣкогда казалось мнѣ хорошимъ и великимъ: собственность всякаго рода, забота о своемъ достоинствѣ, мои права, теперь все это сдѣлалось для меня дурнымъ и презрѣннымъ. Сознатель-

но я не могу уже власть въ эту сѣть, гибельную и для меня и для другихъ: я не могу уже приобретать собственности; я не могу уже прибѣгать къ силѣ, *подъ какой бы формой она ни была* (напр. воинской повинности), «для защиты себя и другихъ;» я не могу принимать участія ни въ какомъ актѣ власти, имѣющемъ цѣлью защиту людей и ихъ собственности» насиліемъ; я не могу быть судьей, принимать участіе въ судѣ, быть облеченнымъ какою нибудь властью, или составлять часть какой нибудь власти. Я не могу также дѣлать и того, чтобы при моемъ содѣйствіи другіе принимали участіе въ судилищахъ или въ какой нибудь власти».

Графъ Толстой отвергаетъ отечество, всякую къ нему любовь, всякую ему вѣрность. — «Я знаю,» — проповѣдуетъ онъ, — «что мое различіе между моимъ народомъ и другими народами есть зло. Знаю, что эта сѣть состоитъ въ ложной вѣрѣ, будто мое благо солидарно только съ благомъ моего народа. Знаю, что моя связь съ другими людьми не можетъ быть разорвана пограничной линіей или декретомъ какаго нибудь» (и свѣтого) «правительства, опредѣляющаго, что принадлежитъ тому или другому народу. Теперь вспоминая о всемъ злѣ, какое б я сдѣлалъ, испыталъ или видѣлъ вокругъ себя изъза *національной вражды*, я вижу ясно, что причина всего этого была грубая ложь, называемая патриотизмомъ и любовью къ отечеству. Вспоминая о своемъ воспитаніи, теперь я вижу, что все эти чувства національной ненависти, какъ и эта грубая ложь, называемая патриотизмомъ и любовью къ отечеству, внушены были мнѣ *безсмысленнымъ воспитаніемъ*. Это вѣра измѣнила всю мою оцѣнку добраго и злаго, великаго и презрѣннаго. Что мнѣ казалось добрымъ и великимъ: любовь къ отечеству, любовь къ моему народу, ко всему этому величественному зданію, которое называютъ государствомъ, услуги, какія оказы-

ваютъ государству въ ущербъ благо другихъ людей, по-
двиги людей военныхъ, все это мнѣ кажется теперь от-
вратительнымъ» (не болѣе ни менѣ!) и жалкимъ. Что
мнѣ казалось постыднымъ и дурнымъ; отречение отъ оте-
чества, теперь напротивъ кажется добрымъ и великимъ.
Если и теперь въ минуту забвенія я могу желать у-
спѣха Россіи, русскому народу, то въ мои свѣтлыя ми-
нуты я не могу подчиняться этимъ химерамъ. Я не мо-
гу уже признавать ни государствъ, ни народовъ; я не
могу уже ни на словахъ, ни перомъ принимать участія
въ какойнибудь распрѣ между народами и государства-
ми, а еще менѣе могу оказывать услуги какому бы то
ни было государству. Я не могу принимать участія во
всѣхъ дѣлахъ, которыя основаны на раздѣленіи
государствъ, каковы: таможенные пошлины, налоги, фа-
брикація оружія, или въ какомънибудь дѣйстви, имѣю-
щемъ цѣлю вооруженія, военную службу, а тѣмъ болѣе
войны; я не могу содѣйствовать и тому, чтобы дѣлали
это и другіе.

«Говорятъ: приходитъ врагъ, нѣмцы, турки, дикари,
и если вы не станете воевать съ ними, то они истре-
бятъ васъ. Это несправедливо,» — проповѣдуетъ графъ.
«Они взяли бы у насъ все то, что добровольно предо-
ставили бы имъ люди; для которыхъ нѣтъ разницы меж-
ду русскимъ, и туркомъ и дикаремъ. Знающій истину
знаетъ ее только для того, чтобы засвидѣтельствовать ее
преды не знающимъ ее, своими дѣлами. Эти дѣла: от-
казаться отъ войны, а не различая того, что называютъ
врагомъ и соотечественникомъ. Мнѣ скажутъ: правитель-
ство не можетъ допустить, чтобъ какойнибудь членъ
общества не признавалъ самыхъ основаній правленія и
чтобъ онъ уклонился отъ обязанностей всякаго гражда-
нина. Власть будетъ требовать участія въ судѣ, въ во-
енной службѣ, и за отказъ накажетъ ссылкой, заключе-

нѣмъ въ тюрьму, даже смертью. Ну чтоже! Для знающаго истину графа эти требованія власти суть требованія людей, не знающихъ истины. Всякое насиліе, война, разбой совершаются людьми слѣпыми и лишенными познанія истины.

Не подумайте, что графъ знаетъ такую странную и неслыханную истину только про себя. Нѣтъ, онъ ее проповѣдуетъ, и цѣлью своей жизни поставляетъ проповѣдывать ее въ слухъ всего свѣта. «Я вѣрую», — проповѣдуетъ графъ, — «что моя разумная жизнь — мой свѣтъ данъ мнѣ только для того, чтобы свѣтить предъ людьми. Я вѣрую, что мое познаніе истины есть талантъ, ввѣренный мнѣ для того, чтобы я употребилъ его въ дѣло, и что этотъ талантъ есть пламя, которое блеститъ только, когда горитъ. Я вѣрую, что единственный смыслъ моей жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить въ ясности того свѣта, который во мнѣ, и ставить его не подъ спудомъ, но высоко предъ людьми, чтобы люди видѣли его».

И вся Русь глядитъ на этотъ страннаго и вдовѣщаго свѣта блескъ. Загорается онъ ярче и ярче. Вся интеллигентная Русь съ умилненнымъ благоговѣніемъ склонила свои головы предъ этимъ возгорающимся свѣтомъ. Я знаю, слышу и вижу, что графа Толстаго не только читаютъ, имъ зачитываются, по газетному выраженію, малые и старые, не только питомцы, но и воспитатели, и наоборотъ, не только воспитатели, но и питомцы. Зачитываются и простые люди. Десятками или сотнями тысячъ экземпляровъ вѣроучительныхъ писаній графа завалены книжные магазины, какъ и коробки книгоношъ. Наблюдатели за нами легкомысленно, если только они злорадно, потѣшаются себя тѣмъ, будто бы писанія графа касаются только вѣры. Образумьтесь! Они касаются всего, основъ государства во первыхъ! Писаніями и писаніяхъ графа наполнена вся современная російская пись-

менность. Принято въ печати какъ бы общимъ всероссійскимъ договоромъ называть графа—проповѣдника не иначе, какъ высоко-почтительными имена: «нашъ великій учитель, нашъ гениальный художникъ, гениальный поэтъ». Подумайте, откуда эти гиперболы? Кромѣ общепризнаннаго гениа поэта Пушкина, кого изъ писателей величаютъ гениями? Почти никогда не величаютъ ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Тургенева, ни наконецъ Достоевскаго, величайшаго художественнѣйшаго мыслителя. А на другихъ поприщахъ у насъ на Руси нечего и думать заслужить высокое титуло гениа, великаго учителя. Гениа на Руси рождаются развѣ только для романической литературы, да еще развѣ для театральнахъ подмостковъ, гдѣ такъ нерѣдки гениальные артисты и артистки. Это значитъ, что интеллигентная Русь только пока и способна понять, что романъ или же театральную пьесу. И чѣмъ они легче, тѣмъ и лучше. Достоевскій тяжель. А графъ Левъ Толстой написалъ два легкихъ удачныхъ романа, и за это онъ— «нашъ гениальный поэтъ»,—тогда какъ съ такимъ же правомъ это великое титуло можно бы приписать нашимъ старымъ романистамъ: Загоскину, Лажечникову, даже Булгарину, Кукольнику и т. д. Еще съ большимъ правомъ можно бы приписать новѣйшему романисту Марквичу. За чтожь ему такая честь? За что такое вниманіе, такое рабское поклоненіе одному графу Льву Толстому? «Учи насъ, великій нашъ учитель, учи»... Не за то ли, что онъ подрываетъ основы не только религіи, но и государства? А не лучше ли пришло бы къ проповѣднику измѣны не только вѣрѣ отцевъ, измѣны не только истинному Христу и Богу отцевъ, но измѣны и Россіи, какъ обществу, какъ народу, какъ государству, измѣны наконецъ или во первыхъ и русскому православному, Богоизбранному и Богопомазанному Царю,—къ человѣку такихъ пагубныхъ идей и

стремлений не лучше ли пристало бы другое имя?... Назовите сами. А пора назвать вещи ихъ собственнымъ именемъ, снять съ волка шкуру кроткой овечки.

Берегитесь лжепророковъ, — предостерегаетъ насъ самъ истинный Христосъ Богъ нашъ, — которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ рпейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь (Мат. 7, 15—20). Аминь.

(Херсон. Епарх. Вѣдом. 1886 г. № 23).

СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣль officialный. — Правительственныя постановленія и распоряженія. — Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Отдѣль неофициальный. — Поученіе Пресвященнаго Никанора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.

Редакторъ, смотритель духовнаго училища Иванъ Любимовъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 1 января 1887 г.

Цензоръ Каѳедраальный Протоіерей Павелъ Желателевъ.

Губернская Типографія.